

1001 ночь.

Рассказ о великодушии Яхьи ибн Халида

Рассказывают также, что Харун ар-Рашид призвал одного из своих телохранителей, которого звали Салих (а было это до тех времен, когда ар-Рашид изменился к Бармакидам). И когда тот явился, сказал ему: "О Салих, иди к Мансуру и скажи ему: "У тебя тысяча тысяч дирхемов наших денег, и мое решение требует, чтобы ты доставил их нам сейчас же". И я приказываю тебе, Салих, если у тебя не будет этих денег до предзакатной молитвы, отдели ему голову от тела и принеси мне".

И Салих отвечал: "Слушаю и повинуюсь!" А затем он отправился к Мансуру и сказал ему о том, что упомянул повелитель правоверных. "Я погиб, клянусь Аллахом! – сказал тогда Мансур." – Ведь стоимость всех моих вещей и того, чем владеет моя рука, если продать это за самую дорогую цену, не превзойдет ста тысяч. Откуда же я могу взять, о Салих, остальные девятьсот тысяч дирхемов?" – "Придумай для себя хитрость, которая тебя быстро освободит, а иначе ты погиб – я не могу тебе дать отсрочки ни на мгновение после того срока, который назначил халиф, и я не властен пренебречь чем-нибудь из того, что мне приказал повелитель правоверных, сказал Салих. – Торопись же с хитростью, которая тебя освободит, прежде чем истечет время". – "О Салих, – сказал Мансур, – прошу тебя, сведи меня, по твоей милости, в мой дом проститься с детьми и семьей и дать наставление близким".

И я пошел с ним в его дом, – говорил Салих, – и он стал прощаться с семьей, и поднялись вопли в его жилище, и раздались плач и крик и призывы о помощи к Аллаху великому. И я сказал Мансуру: "Мае пришло на ум, что Аллах пошлет тебе помощь через руки Бармакидов. Пойдем со мной в дом Яхьи ибн Халида".

И мы пошли к Яхье ибн Халиду, и Мансур рассказал ему о своем положении, и Халид огорчился из-за этого и склонил на некоторое время голову к земле, а потом он поднял голову и, призвав своего казначея, спросил его: "Сколько дирхемов у нас в казне?" – "Около пяти тысяч дирхемов", – ответил казначей, и Яхья велел принести их, а потом он отправил к своему сыну аль-Фадлу посланного с письмом такого содержания: "Мне предлагают купить прекрасные поместья, которые никогда не придут в запустение; пришли нам сколько-нибудь дирхемов".

И аль-Фадл прислал ему тысячу тысяч дирхемов, и затем Яхья послал другого человека к своему сыну Джафару с письмом такого содержания: "У нас случилось важное дело, и нам нужно для него сколько-нибудь дирхемов".

И Джафар тотчас же послал ему тысячу тысяч дирхемов. И Яхья до тех пор посылал людей к Бармакидам, пока не собрал от них для Мансура большие деньги, а Салих и Мансур не знали об этом. И Мансур сказал Яхье: "О владыка, я схватился за твой подол и знаю, что получу эти деньги только от тебя, как обычно для твоего великодушия. Заплати же за меня остаток моего долга и сделай меня твоим вольноотпущенником". И Яхья потупился и заплакал и сказал: "Эй, мальчик, повелитель правоверных подарил когда-то нашей невольнице Дананир жемчужину большой ценности. Пойди к ней и скажи, чтобы она нам прислала эту жемчужину".

И слуга пошел к невольнице и принес жемчужину Яхье, и тот сказал: "О Салих, я купил эту жемчужину для повелителя правоверных у купцов за двести тысяч динаров, а повелитель правоверных подарил ее нашей невольнице Дананир, лютнистке, и когда он увидит с тобой эту жемчужину, он узнает ее и окажет тебе уважение и сохранит от пролития твою кровь ради нас и из уважения к нам. И теперь твои деньги собраны полностью, о Мансур".

И я понес жемчужину и деньги к ар-Рашиду, – говорил Салих, – и Мансур был со мною. И когда мы были в пути, я вдруг услышал, как он говорит такой стих поэта:

"Не по любви спешат к ним мои ноги,

Но убоился я стрелы удара".

И я удивился его злomu нраву, низости и испорченности и скверному его происхождению и рождению, и возразил ему и сказал: "Нет на лице земли лучших, чем Бармакиды, и нет никого сквернее и злее тебя! Они купили тебя у смерти и выручили тебя от гибели и сделали тебе милость, спасши тебя, а ты не благодаришь их и не хвалишь, и не поступаешь, как поступают свободные, но отвечаешь на их благоденствие такими словами!"

И потом я пошел к ар-Рашиду и рассказал ему эту историю и осведомил его обо всем, что случилось..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста шестая ночь

Когда же настала триста шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Салих говорил: "И я рассказал эту историю повелителю правоверных и осведомил его обо всем, что случилось. И ар-Рашид удивился великодушию Яхьи и его щедрости и благородству и гнусности Мансура и его низости, и велел вернуть жемчужину Яхье ибн Халиду, и сказал: "Все, что мы подарили, не годится нам брать назад".

И Салих вернулся к Яхье ибн Халиду и упомянул ему о Мансуре и его дурном поступке, и Яхья сказал: "О Салих, когда человек беден, грудь его стеснена и мысли его заняты; что бы от него ни исходило, с него нельзя взыскивать, так как это возникает не в сердце". И он принялся искать оправданий Мансуру.

И Салих заплакал: "Не бывает, чтобы вращающий небосвод создавал для бытия людей, подобных тебе! О горе! Как может быть погребен под землей тот, чей нрав подобен твоему нраву и чье благородство таково, как твое!"

И он произнес такие два стиха:

"Спеши совершить добро всегда, коль задумаешь,

Ведь подлинно не всегда щедроты доступны нам.

Как часто препятствуя душе совершить добро,

Коль можно, покуда смерть помехой не явится".